

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Васильева А.П. Этнолокальная специфика языковой репрезентации объектов водного пространства (на примере Абыйского района АЗРФ) // Филология: научные исследования. 2025. № 11. С. 354-368. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76885 EDN: IZKKJW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76885

Этнолокальная специфика языковой репрезентации объектов водного пространства (на примере Абыйского района АЗРФ)

Васильева Алина Петровна

ORCID: 0000-0001-6748-8459

научный сотрудник; Международная научно-исследовательская лаборатория "Лингвистическая экология Арктики"; ФГАОУ ВО "Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова"

677013, Россия, респ. Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42

✉ alinavasilyeva88@gmail.com

[Статья из рубрики "Психолингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76885

EDN:

IZKKJW

Дата направления статьи в редакцию:

21-11-2025

Дата публикации:

04-12-2025

Аннотация: Предметом исследования является этнолокальная специфика языкового сознания носителей якутского языка, репрезентированная в ассоциативно-вербальных сетях ключевых концептов водного пространства. Объектом исследования выступают ассоциативные поля стимулов өрүс ('река'), күөл ('озеро'), балык ('рыба'). Цель исследования заключается в выявлении и анализе этнолокальных особенностей языкового сознания носителей якутского языка Абыйского района Арктической зоны России через количественный и семантический анализ данных ассоциативного эксперимента. Эмпирическую основу работы составили результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного автором в 2025 г. среди 32 респондентов в селе Куберганя Абыйского района Республики Саха (Якутия). Для сопоставления

использованы данные Ассоциативного словаря якутского языка, что позволило выявить как общенациональные тенденции, так и локальную специфику. Методологическую основу исследования составил психолингвистический подход с использованием методов количественного и семантического анализа вербальных ассоциаций в соответствии с универсальной классификацией (смежность, сходство). Полученные данные свидетельствуют о доминировании непосредственных реакций по сходству (69–97%), что отражает устойчивость базовых семантических структур. Особый научный интерес представляет выявленная дифференциация культурных кодов: сакрально-символического для реки, утилитарно-гастрономического для рыбы и пространственно-геометрического для озера. Значительная частотность пространственно-геометрических признаков в ассоциативно-вербальной сети указывает на формирование особого типа пространственного мышления, обусловленного жизнью в горно-таёжной и тундровой среде. Особый интерес представляет контраст между динамическим восприятием реки и статично-структурированным восприятием озера. Полученные результаты убедительно демонстрируют, что ассоциативно-вербальная сеть аккумулирует ключевые культурные константы, обеспечивающие сохранение этнокультурной идентичности коренного населения Севера и Арктики в условиях современных социокультурных трансформаций.

Ключевые слова:

языковое сознание, образ мира, языковая картина мира, объекты водного пространства, ассоциативный эксперимент, якутский язык, Абыйский район АЗРФ, ассоциативно-вербальная сеть, ассоциативное поле, ассоциативные связи

Финансирование. Работа выполнена в рамках научного проекта РНФ «Языки и культуры народов Севера и Арктики РФ: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» по соглашению No 25-78-30006 от 22.05.2025 г.

Funding. The research was funded by the grant of the Russian Science Foundation "Languages and Cultures of the Peoples of the North and Arctic of the Russian Federation: Comprehensive Socio-Humanitarian Research (based on Big Data Analysis)" No 25-78-30006 (22.05.2025)

Введение

Язык представляет собой не только средство коммуникации, но и уникальную форму коллективной памяти, требующую специальных методов для своей экспликации. За привычной тканью языка скрывается целостный и многомерный образ мира. Многоуровневая система представлений о действительности, формирование которого на протяжении жизни индивида неизбежно опосредовано культурными значениями и коллективным социальным опытом. Непосредственной областью, в которой этот образ находит своё отражение, выступает языковое сознание, понимаемое как система психических образов, стоящих за языковыми знаками и фиксирующих специфику национального мировосприятия. Актуальность его изучения как уникального памятника культуры, хранящего ключевые фрагменты национальной картины мира, сохраняется, несмотря на солидную историю и развитие исследовательских традиций в рамках ведущих научных школ (Московской, Тверской, Воронежской и др.), каждая из которых разработала собственный категориальный аппарат и методический инструментарий.

Современный этап исследования языкового сознания характеризуется повышенным вниманием к его динамическому аспекту, что обусловлено интенсивными социально-

культурными трансформациями [\[1\]](#). В данном контексте особую значимость приобретает анализ изменяющихся образов сознания, позволяющий реконструировать не только актуальное состояние этнического мировидения, но и выявить векторы его трансформации под влиянием внешних факторов. Данный подход предполагает фиксацию и сопоставление образов, «овнешняемых» через ассоциативные поля, в диахроническом и межпоколенческом разрезе, что открывает возможность для объективного моделирования фрагментов динамичной картины мира.

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения связей языковых знаков с ментальными образами, в целом ментального лексикона, формирующегося под влиянием экстралингвистических факторов — хозяйственно-экономического уклада, природной среды и системы ценностных ориентаций этноса [\[2\]](#). Именно эти факторы обуславливают различную концептуализацию действительности в языковых картинах мира, что проявляется в избирательности признаков номинации, степени разработанности тематических групп лексики и несовпадении культурных смыслов за внешне эквивалентными единицами. Особую актуальность эти вопросы приобретают в контексте сохранения языкового многообразия народов России. На современном этапе промышленное освоение северных и арктических территорий, несмотря на положительные экономические эффекты, приводит к сокращению земель традиционного пользования и разрушению естественной языковой среды. Это делает особенно востребованными исследования, направленные на фиксацию и анализ ещё сохранившихся фрагментов языкового сознания носителей арктических субдиалектов.

Проблематика, связанная с семантикой водных объектов и их местом в традиционной культуре, является одной из ключевых в этнологических и культурологических исследованиях народов Якутии. Сформировался комплексный подход, рассматривающий водные экосистемы не только как источник жизнеобеспечения, но и как фундаментальный компонент сакральной топографии, мифоритуальных комплексов и этнической идентичности. Так, в работах, посвященных народу саха, детально исследуются пространственные представления, связанные с реками, озерами и морем, их амбивалентная символика как источника жизни и границы с потусторонним миром [\[3; 4\]](#). Шаманский фольклор и обрядовая практика, направленные на взаимодействие с духами-хозяевами воды, проанализированы в контексте региональных традиций (верхоянской, вилуйской) [\[5\]](#). Параллельно исследуются аналогичные концепции у коренных малочисленных народов Севера, в частности, эвенов, у которых река выступает структурной осью мироздания и центральным объектом календарной обрядности [\[6\]](#). Таким образом, в научной литературе тема осмысления водной среды получила многоплановое освещение через призму мировоззрения, фольклора, обрядов и социальных практик различных этнических групп региона.

Цель данной статьи заключается в анализе языковой репрезентации образов водного пространства и выявлении этнолокальных особенностей языкового сознания носителей якутского языка, проживающих в Абыйском районе Республики Саха (Якутия). Изучение проводится на материале ассоциативных полей (АП), отражающих ключевые доминанты окружающего ландшафта, репрезентативных для описания языковой картины мира жителей Севера Якутии: *өрүс* (река), *күөл* (озеро), *балык* (рыба).

Научная новизна заключается в выявлении на основе полевого ассоциативного эксперимента устойчивой пространственно-геометрической доминанты в языковом сознании носителей якутского языка Арктической зоны, что свидетельствует о формировании особого типа пространственного мышления, обусловленного жизнью в

горно-таежном и тундровом ландшафте.

Практическая ценность исследования состоит в разработке методологического инструментария для мониторинга трансформаций языкового сознания в условиях глобализации и климатических изменений в арктическом регионе.

Материалы и методы. Согласно теоретическим основам психолингвистики, разработанным в рамках теории речевой деятельности, вербальные ассоциации целесообразно изучать не в качестве готового продукта, а в динамике их формирования. Приоритетным объектом исследования становится сам процесс порождения ассоциаций, наблюдаемый как в живом человеческом общении, так и, что является основным методом, в условиях эксперимента. Одним из способов «реконструкции лексикона человека» является ассоциативный эксперимент [7].

Эмпирическую основу данной работы формируют данные ассоциативного эксперимента, полученные из двух различных источников. Свободный ассоциативный эксперимент служит эффективным инструментом доступа к содержанию языкового сознания, позволяет выявить его этнокультурную специфику, иерархию ценностных приоритетов и ключевых концептов, актуальных как для индивидуального, так и для коллективного сознания носителей языка [8]. В психолингвистической традиции совокупность реакций, полученных в ходе ассоциативного эксперимента, интерпретируется как ассоциативное поле, выступающее операциональным аналогом семантического поля [9]. Ключевое отличие данного метода заключается в его ориентации не на анализ текстов, а на фиксацию непосредственных реакций носителей языка, что позволяет реконструировать не только ядерные семантические компоненты значения, но и его периферийные коннотативные, оценочные и образные характеристики. Как подчеркивается в современных исследованиях, ассоциативные поля обладают динамической природой, отражая трансформации в языковом сознании под влиянием актуальных коммуникативных и когнитивных процессов [10]. По материалам массового ассоциативного эксперимента выстраивается ассоциативно-вербальная сеть (АВС), которая представляет собой «неполно связанный, ориентированный граф со взвешенной частотой», это «модель образа мира носителя языка, отвечающий системно-целостному принципу» [11, с. 43]. Под образом мира мы понимаем «реальный предметный мир, отраженный в сознании через систему значений слов, включающих в себя не только универсальные пространственно-временные характеристики, но и рационально-чувственный опыт, полученный в разных ситуациях взаимодействия с окружающей средой» [Там же, с. 163].

В качестве основного источника выступили результаты ассоциативного эксперимента, проведенного в 2025 году в селе Куберганя (Абыйский район Республики Саха (Якутия)). Участниками эксперимента стали 32 носителя языка, преимущественно якутской (81%) и эвенской (19%) национальности, практически все из которых (99%) указали якутский как язык повседневной коммуникации. Дополнительным источником послужили материалы Ассоциативного словаря якутского языка (прямой и обратный) [12], отражающие реакции студентов-носителей якутского языка, опрошенных в период с 2005 по 2010 год в рамках ассоциативного эксперимента на базе СВФУ им. М.К. Аммосова. Список слов-стимулов (164 слова) соответствует списку, на базе которого был составлен Ассоциативный словарь якутского языка, однако дополнен 25 лексемами. Приводится интерпретационный семантический анализ ассоциативных полей с выявлением семантических признаков и возможных культурных кодов.

В основу анализа ассоциативных полей якутских слов-стимулов также положена универсальная классификация вербальных ассоциаций, редуцирующая всё многообразие связей к двум фундаментальным типам – смежности и сходству, которые относятся к непосредственным реакциям [7; 13; 14]. Согласно данной схеме, традиционные синтагматические связи (например, *өрүс — долгуннаах*, 'река — волнистая') квалифицируются как ассоциации по сходству, где признак входит в семантику стимула; парадигматические связи (*балык — собо* 'рыба — карась' как вид рыб) — как сходство на основе общих категориальных признаков; а тематические связи (*былык — аһылык*, 'рыба — еда') — как смежность в пространстве или ситуации. Такой подход позволяет не только систематизировать реакции, но и выявить, какие типы отношений (смежность в реальном опыте или категориальное/признаковое сходство) доминируют в организации данных ассоциативных полей в якутском языковом сознании. Также выделяются опосредованные реакции, которые возникают при отсутствии прямой связи между стимулом и ответом; их соотношение устанавливается через имплицитное, формально не выраженное звено. Синкретические ассоциации характеризуются совмещением различных типов отношений (например, смежности и сходства), что затрудняет их однозначную категоризацию. Отдельную группу составляют неопределённые реакции, в которых связь со стимулом не поддаётся чёткой интерпретации [7; 13].

Абыйский район представляет собой административный район на северо-востоке Якутии, географически расположенный в зоне перехода от горной тайги к тундре. Для рельефа территории характерны многочисленные горные возвышенности и водные экосистемы, что органично вписывает регион в общий ландшафт республики, отличающийся обилием рек и озер и развитой озерно-речной культурой. Коренное население района, представленное якутами и эвенками, исторически сложило свой жизненный уклад в тесной связи с водными ресурсами, ключевым из которых является река Индигирка. Её бассейн, протекающий вдоль территории района, выступает не только важной природной артерией, обеспечивающей транспортную связность и биоразнообразие, но и основой традиционного хозяйства. Доминирующим видом деятельности для местных жителей испокон веков остается рыболовство, что и обуславливает особую значимость анализируемых природно-ландшафтных концептов в структуре их языкового сознания, формируя уникальные фрагменты локальной картины мира.

Согласно Н.К. Даниловой, в современной научной парадигме, где «пространство» тождественно «традиционному миру» (Головнев, 1995), территория этноса рассматривается через призму его комплексного — прагматического и смыслового — освоения. Центральные элементы ландшафта (горы, леса, водоемы) приобретают статус мировоззренческих доминант, чья символика задает основные конфигурации картины мира [15, с. 55].

В исследовании, посвященном формированию историко-культурного ландшафта якутов, отмечается, что северные якуты, освоив долинные очаги бассейнов рек Яны, Индигирки и Колымы, в суровых климатических условиях сумели сохранить устойчивое воспроизводство системообразующих элементов культуры — язык, высокий уровень этнического самосознания, традиционные стереотипы поведения, материальную и духовную культуру. Благодаря относительной изолированности от основных миграционных потоков центральных районов, компактности расселения и особенностям ландшафта, они сохранили в своей традиционной культуре архетипы пространственной памяти о родине южных предков [4, с. 251].

Далее приведем анализ ассоциативных полей слов-стимулов.

Ассоциативное поле «Өрүс» (Река)

Во многих культурах мира река является символом жизни и вечного движения. Согласно суждениям М.Н. Теребихина на примере священной географии Северной Фенноскандии (Лапландии), образ реки обладает особым значением, отражая глубокие культурные и религиозные аспекты региона. Реки не только служат источником воды и жизни для местных обитателей, но и воплощают в себе духовные и символические значения. Образ реки в священной географии. Также формирование больших рек имеет геополитическое значение для отдельного региона с точки зрения коммуникации и жизнеобеспечивающего водного ресурса. «Река — универсальный символ священной географии народов Севера, развёртывающий всю гамму «речных» мифологических сюжетов, мотивов и образов: мировая (космическая) шаманская река; ось вселенной; небесная и подземная реки; дорога в мир мертвых; граница; запирающие воды; потоп; наводнение; космический поединок; окаменение вод; иссечение вод и т.д.» [\[16, с. 51\]](#). Реки могут рассматриваться как символы жизни и плодородия. В то же время, реки символизируют и время, истекающее непрерывным потоком, что подчеркивает неизбежность перемен и изменений. В этом смысле образ реки может восприниматься как напоминание о бесконечном круговороте жизни и цикличности природы. Кроме того, реки часто ассоциируются с понятием очищения и возрождения.

Таблица 1

Ассоциативное поле слова- стимула Өрүс ('Река')

Стимул/перевод	Реакция/перевод
Өрүс (Река)	Индибир (4), өрүс/река (2), сүүрүк/течение (2), устар/течет (2), баай/богатая, балык/рыба, барда/начался ледоход, долгуннаах/волнистая, жизнь, Индибирка, киэ/широкая, күүс/сила, Кэбэргэнэ/Куберганя, модун/мощная, муус/лед, от/трава, төрдө/устье, устун/по (реке), уу/вода, үрдүгэр/на поверхности, үрэх/речка, хаат..., эбээ/бабушка, эстиитэ/ледоход (1) (32, 24, 2, 20)

В Таблице 1 представлено ассоциативное поле слова-стимула Өрүс (Река). Реакции упорядочены по убыванию частотности. В скобках указаны следующие количественные показатели: (1) количество респондентов, давших реакцию; (2) количество разных реакций; (3) число отказов; (4) количество единичных реакций.

Как отмечают исследователи, в традиционной культуре наделение ландшафта сакральным статусом нередко находит прямое отражение в топонимии. Определение «святой» может выступать не просто характеристикой, а становиться ядерным компонентом самого имени места, тем самым фиксируя результат религиозного ритуала — как языческого, так и христианского происхождения. Такой топоним, таким образом, маркирует переход локации из пространства повседневности в область сакрального. Топонимическая составляющая якутского культурного ландшафта формируется через взаимодействие различных языковых представлений о мире, что придает ей уникальный смысл, независимо от языка, и обладает определенной регулярностью [\[17, с. 130-131\]](#). Так, в ассоциативном поле можно выделить номинативно-идентифицирующие реакции:

Индибир (13%), *өрүс/река* (7%), *Кэбэргэнэ*, *Индибирка* (3%). Доминирование в ответах респондентов конкретного гидронима *Индибир* свидетельствует не только о его высокой актуальности в языковом сознании, но и о глубокой ценностной значимости, связанной с конкретным, топонимически определённым объектом. Данный факт указывает на то, что река воспринимается носителями не как абстрактный географический феномен, а как уникальное, именованное и личностно освоенное явление жизненной среды, что подчёркивает её важную роль в формировании локальной идентичности и аксиологической картины мира.

В Ассоциативном словаре якутского языка мы находим следующие наиболее частотные реакции на слово-стимул *Өрүс/Река* (цифрами указаны частотность реакций): *уу/вода* 307; *Лена/река Лена* 61; *күөл/озеро* 59; *Бүлүү/Виллюй* 48; *сүүрүк/течение* 43; *уһун/длинная* 41; *эбэ/река* 40; *үрэх/речка* 39; *балык/рыба* 35; *муора/море* 31; *Өлүөнэ/Лена*, *устар/течет* 28; *ыраас/чистая* 25 и др. В Обратном словаре, который представлен по схеме от реакции к стимулу, лексема *Өрүс* выступает частотной реакцией на слова-стимулы *уу/вода* 126; *муус/лед* 48; *муора/море* 33; *хайа/гора* 10; *тыал/ветер*, *эбээ/бабушка* 3. В языковом сознании жителей Абыйского района частично присутствуют тождественные реакции. В Прямом словаре интерес представляют топонимические примеры (*Лена/река*, *Бүлүү/Виллюй*, *Өлүөнэ/Лена*).

По мнению Н.К. Даниловой, река выступает не только важным географическим объектом, но и «мифическим прародителем, источником жизни и культуuroобразующим феноменом» [3, с. 163]. Река маркирует границы между мирами живых и мёртвых, а её течение символизирует путь в загробный мир. Особое значение имеет река Лена, одна из крупнейших и длиннейших рек в России и мире, обладает особым значением как для местных жителей, так и для всей страны, что находит отражение в образах сознания носителей языка. Она рассматривается как колыбель якутского этноса и ключевой элемент региональной идентичности. Как указывает исследователь, «народ саха свою локальную идентичность прежде всего связывает с речным ландшафтом» [Там же]. Это находит отражение в самоназваниях этнолокальных групп, производных от гидронимов: *бүлүү сахалара* ('виллюйские якуты'), *дьааны сахалара* ('янские якуты'), *дойду дьоно*, или *илин энэрдэр* ('центральные якуты, населяющие долины Лены'). отождествление происхождения с «водным миром» позволяет предположить о существовании в прошлом высокоразвитой «водной мифологии/культуры». Таким образом, в геоэтнической панораме Якутии река Лена и ее притоки (Виллюй, Оленек), а также северные реки (Яна, Колыма, Индибирка) являются средой зарождения локальных культур и основным гидромаркером, формирующим национальную ментальность [Там же].

В священной географии Якутии, где суровый климат и дикая природа играют важную роль в культуре и религии, река Лена занимает важное место как символ жизни, силы и духовного богатства. Для абыйцев, река Индибирка также является не только источником воды и ресурсов, но и священным местом и можно сказать, что данная культурная константа ярко отражена в образах сознания носителей языка и культуры.

Как отмечает М.М. Содномпилова, в традиционном мировоззрении монгольских народов речная система осмысливалась через образ мирового древа, где главное русло ассоциировалось со стволом, а притоки и родники – с его ветвями, что нашло отражение в языковых моделях. Крупные реки, внушавшие опасение, служили основными пространственными ориентирами, выполняя роль «стержня» локальной вселенной. При этом в практическом опыте бурят переправа через реки становилась актуальной лишь в период сезонных разливов, а зимой замёрзшие или пересыхающие русла превращались

в ключевые транспортные пути, связывавшие отдалённые и труднодоступные районы [18, с. 112-113]. В условиях Якутии, где многие северные районы отличаются крайней труднодоступностью и отсутствием развитой дорожной сети, сезонные зимники, проложенные по замёрзшим руслам рек, остаются единственным надёжным путём сообщения между отдалёнными поселениями.

В АП присутствуют признак динамической характеристики: *сүүрүк/течение* (7%), *устар/течет* (7%), *барда/начался ледоход*, *долгуннаах/волнистая*, *күүс/сила*, *модун/мощная* (3%). Данная группа реакций актуализирует семантику движения, мощности и нестатичности реки. Река воспринимается не как объект, а как процесс, живая сила природы. Образ реки и ледохода в языковой картине мира жителей центральной Якутии на материале Ассоциативного словаря якутского языка исследуют И.С. Хохолова и К.А. Пестерева. Как отмечают авторы, в ассоциативном поле *Өрүс* (Река) у жителей Центральной Якутии ключевой является семантика движения, времени и направления, что проявляется в реакциях *течение*, *дорога*, *жизнь*, *бежит* [19]. Исследователи подчеркивают, что река (в частности, Лена) выступает главным транспортным каркасом и пространственным ориентиром, динамика которого напрямую определяет ритм жизни и организацию хозяйственной деятельности. Это находит отражение в высокой значимости сезонных фаз реки (ледоход, ледостав, паводок) и таких понятий, как «зимник» и «распутица», когда сообщение между населенными пунктами полностью прекращается [Там же].

Таким образом, река воспринимается не как статичный объект, а как воплощение непрерывного процесса, связывающее в единую систему пространство, время и жизненный уклад.

В реакциях *балык/рыба*, *баай/богатая* отражается хозяйственно-утилитарный код. Эти реакции свидетельствуют о восприятии реки как источника ресурсов (пищи, благосостояния), что является ключевым для жизнеобеспечения в северном регионе.

По мнению О.А. Лавреновой и В.В. Филипповой, ландшафты, приносящие умиротворение, отражают гармонию Космоса и являются центрами местной вселенной. Они могут стать частью ритуального пространства или оставаться святыми в своей красоте, символизируя божественное совершенство. Некоторые местности могут иметь антропоморфные черты в своих названиях [17, с. 132]. Согласно традиционным воззрениям коренных народов Якутии, каждый природный объект, включая ручьи, озёра и реки, обладает своим духом-хозяином, что обуславливает необходимость поддержания с ним гармоничных отношений [6]. Это представление находит яркое выражение в дуалистичном образе духа озера/реки у якутов, который может выступать как в женской ипостаси (*Эбэ Хотун* 'Госпожа Бабушка'), от которой зависит благополучие рода, так и в мужской (*Эрилик*, *Чыкчылын*, *Уукан*), определяющей успех промысла [4]. Соответствующие ритуальные практики сохраняют свою актуальность и в современный период.

Так, в периферии ассоциативного поля присутствует реакция *эбээ/бабушка*. Данный гидроним, означающий «бабушка, матушка», выражает почитание водных объектов. Считается, что слово «Эбэ» «применяется в уважительном назывании гидронимов без указания их наименования» [17, с. 132]. В якутской традиции существовал запрет на употребление имени реки, основанный на вере в то, что это может разгневать ее духа и навлечь несчастье [19]. В этом проявляется культурно-символический код: в якутской, а

также в более широкой тюркской традиции, река часто персонифицируется и наделяется статусом прародительницы-кормилицы, что свидетельствует о сакральном и уважительном отношении к водному объекту как к живому существу и хранителю рода.

В рамках распределения по типам реакций наибольшее количество составляют непосредственные реакции – 84%, из них по сходству — 85%; реакции по смежности — 15% (*жизнь, күүс/сила, эбээ/бабушка*). Доля парадигматических реакций — 52% (*Индибир, сүүрүк/течение, үрэх/речка, өрүс/река*), синтагматических — 48% (*долгуннаах/волнистая, эстиитэ/ледоход, устун/по (реке)*). 6% ответов представляют синкретические реакции (*муус/лед, балык/рыба*). Стоит отметить, что предложенная классификация вербальных ассоциаций носит относительный характер, поскольку одна и та же ассоциативная пара может демонстрировать признаки разных типов связей одновременно, совмещая, к примеру, парадигматические и синтагматические отношения или отношения смежности и сходства [13]. Таким образом, границы между выделяемыми типами являются в значительной степени условными.

Ассоциативное поле «Күөл» (Озеро)

Таблица 2

Ассоциативное поле слова-стимула Күөл ('Озеро')

Стимул/перевод	Реакция/перевод
Күөл (Озеро)	уу/вода (7), балык/рыба (3), ортото/середина (2), собо/карась (2), төгүрүк/круглое (2), балыктаах/рыбное, барбыт/уплыть, водоем, күөл/озеро, күөх/синий, голубой, зеленый; кыра/маленькое, кырыта/край, мунду/гольян озерный, муус/лед, от/трава, рыба, үрдэ/поверхность, чүөмпэ/омут, хараал/загон, төкүнүк/круглое, улакан/большое (1) (32, 21, 1, 16)

В традиционном мировоззрении саха озеро (*күөл*) наделяется сакральным статусом и рассматривается как источник благополучия и жизнеобеспечения. Как отмечалось ранее, оно воспринималось как «хранительница и кормилица рода», а его дух-хозяйка (*Эбэ*) ассоциировалась с устойчивой и благополучной жизнью [3, с. 162].

В ассоциативном поле слова-стимула «Күөл» (Озеро) (табл. 2) наиболее частотной является реакция *уу/вода* (23%), что подчеркивает восприятие озера прежде всего какместилища водной стихии. Присутствие вещественно-номинативных реакций, таких как *балык/рыба* (10%), в том числе сильная связь с конкретными видами рыб (*собо/карась, мунду/гольян*), указывает на его важность как источника специфических пищевых ресурсов, в отличие от реки.

Отдельную интересную группу составляют реакции по признаку «Пространственно-геометрические характеристики»: *ортото/середина* (6%), *кырыта/край, төгүрүк/круглое* (6%), *кыра/маленькое, чүөмпэ/омут, улакан/большое* (3%). Данные ассоциации свидетельствуют о четком пространственном осмыслении озера, его ограниченности и структурной организованности (центр-периферия). Озеро воспринимается как статичный, очерченный объект.

Реакции *күөх* (синий, голубой, зеленый) и *муус* (лед) комплексно характеризуют озеро,

где первая отражает его визуальный облик, обобщая цвет воды и окружающего ландшафта, а вторая — его сезонное состояние, указывая на значительную часть года, когда водоём скован льдом. Это создаёт образ, тесно связанный с природными циклами Севера.

В отличие от реки, озеро в языковом сознании предстает как локализованный, статичный водоем, важный с точки зрения конкретных хозяйственных практик (рыболовство), но лишенный динамической и сакральной семантики, присущей реке.

В анализируемом ассоциативном поле интересно отметить одну фонетическую особенность среди единичных реакций, которая заключается в возможном использовании диалектного варианта слова *улакан* (большой), вместо литературного *улахан* (большой), где происходит переход увулярного [х] на смычный глухой заднеязычного [к]. Данное явление характерно для северо-восточной диалектной группы, в том числе абыйском, колымском, верхоянском говорах [20, с. 29]. Как отмечает М.С. Воронкин, «реализация заднеязычных согласных вместо увулярных является одной из значительных особенностей говоров якутского языка в области консонантизма», «география этого явления неопровержимо свидетельствует о его субстратном характере, т.е. его обусловленности влиянием эвенкийского и эвенского языков» [21, с. 77, 79].

Рассмотрим распределение в ассоциативном поле типов реакций: непосредственные реакции — 69%, из них по сходству — 95%; по смежности — 5%. Всего парадигматических реакций 43% (*уу/вода*), синтагматических — 57% (*балыктаах/рыбное, ортото/середина, төкүнүк/круглая*). Процент синкретических реакций составляет 22% (*балык/рыба, собо/карась*).

Ассоциативное поле «Балык» (Рыба)

Наряду со скотоводством и охотой, рыболовство было ключевым элементом хозяйства якутов, что обусловило глубокую символическую значимость образа рыбы в их культуре. Как отмечает У.П. Суздалова, этот образ наделен широким спектром значений: от тотема и символа плодородия до посредника между мирами и атрибута водных духов [22, с. 128–129]. Он также закреплён в якутской геральдике. Ярким примером служит флаг Абыйского района, где на лазоревом фоне, символизирующем реку Индигирку, изображены три серебристые рыбы, олицетворяющие идею циклического обновления природного мира [Там же, с. 139].

Таблица 3

Ассоциативное поле слова-стимула *Балык* ('Рыба')

Стимул/перевод	Реакция/перевод
Балык (Рыба)	ыама/икрометание (4), өрүс/река (3), то□/мороженная (3), ас/еда (2), балык/рыба (2), собо/карась (2), аһылык/пища, бултуур/охотиться, вкус, искэх/икра; миин/суп, минньигэс, то□/вкусный, мороженный, продажа, сордо□/щука, строганина, туустаах/соленая, устар/плывет, хатырык/чешуя, чир, чыыр/чир, эмис/жирная (32, 21, 1, 15)

В анализируемом ассоциативном поле (табл. 3) доминирует гастрономический код: *тон/мороженная* (10%), *аһылык/пища*, *ас/еда* (10%), *миин/уха*, *строганина*,

туустаах/соленая, вкус, минньигэс/вкусный (3%). Подавляющее большинство реакций однозначно относят рыбу к сфере питания. При этом акцент на способах заготовки («мороженная», «соленая») отражает адаптацию к условиям Севера и важность рыбного промысла для выживания. Особое место в этом гастрономическом коде занимает строганина, ставшая настоящим гастрономическим брендом Якутии [23, с. 15]. Её прямая ассоциация с рыбой не только фиксирует традиционный способ потребления, но и ярко актуализирует северную идентичность, выступая узнаваемым символом всего региона. В современном культурном пространстве Якутии данная тема получает новое звучание, например, в виде праздника рыбы-строганины (ежегодно проводится с 1999 г. в рамках фестиваля «Зима начинается в Якутии»), напрямую связывающего гастрономический код с региональной идентичностью [22, с. 138].

Далее можно выделить биолого-промысловый код: *ыама/икрометание* (13%), *искэх/икра*, *бултуур/охотиться*, *сордо□/щука*, *собо/карась*, *үрэх/речка*, *хатырык/чешуя чир*, *чыыр/чир* (3%). Реакция *ыама* (нерест) является ключевой, так как связана с важнейшим природным циклом, определяющим время и масштабы промысла. В кухне народов Севера, наряду с олениной и жеребятиной, рыба безусловно занимает важное место, в том числе и эндемичная порода чир, относящаяся к числу популярных местных продуктов [23, с. 15].

Так, в языковом сознании абыйцев рыба осмысливается практически исключительно в утилитарно-пищевом ключе. Её ценность определяется как источник пищи, а её восприятие тесно связано с промысловой деятельностью и способами длительного хранения, что является отражением северного культурного кода выживания.

В Ассоциативном словаре якутского языка лексема *балык* присутствует в качестве слова-реакции лишь в Обратном словаре, где она является ответом на следующие слова-стимулы: *өрүс/река* 35; *муора/море* 16; *то□ус/тунгус* 13; *уу/вода* 8; *чукча/чукча* 5; *эбэ□ки/эвенк* 4; и др. Данная статистика свидетельствует не только о прочной связи *балык* → *өрүс*, но и о наличии важного этнографического подтекста. Реакции на стимулы *чукча* и *эбэнки* (эвенк), также вошедшие в обратный словарь, косвенно указывают на то, что образ рыбы в сознании носителей тесно переплетен с межэтническими взаимодействиями и, вероятно, с традиционными промыслами этих народов. Таким образом, ассоциативное поле *рыбы* выходит за сугубо природные рамки, включая в себя социально-культурный компонент.

Рассмотрим распределение в ассоциативном поле типов реакций: Все реакции, за исключением одного отказа, являются непосредственными (97%). Реакции по сходству — 77% (парадигматические — 54%, синтагматические — 46%); реакции по смежности — 23%.

Заключение

На основании полученных данных можно утверждать, что ассоциативно-вербальная сеть образует устойчивые связи, которые взаимосвязанно проходят через призму каждого анализируемого ассоциативного поля и формируют в ментальном лексиконе определенные семантические кластеры. Схематично это можно представить как фрагмент вербальной памяти усредненного носителя языка — жителя Севера: *балык* (рыба) → *өрүс* (река) → *муус* (лед) → *улахан* (большой). Данная цепочка ключевых понятий выступает в роли универсальных культурных констант, формирующих целостный «северный» образ мира. В рамках этих понятий сохраняются ключевые культурные коды, что создает нерушимый фундамент для устойчивости и дальнейшей трансляции

этнокультурной идентичности. Выявление более полной картины требует расширения круга респондентов.

Проведенный анализ выявляет общую структуру ассоциативных полей. Во всех случаях абсолютно преобладают *непосредственные реакции*, подавляющая часть которых строится по сходству (от 77% до 95%). Это свидетельствует о том, что ядерные значения слов-стимулов устойчивы и четко отделены в сознании носителей. Ключевое различие наблюдается в соотношении парадигматических и синтагматических реакций. Для АП *Балык* ('Рыба') и *Өрүс* ('Река') их доля примерно равна, что указывает на баланс между категоризацией объекта и описанием его действий и признаков. Напротив, АП *Күөл* ('Озеро') демонстрирует сходную, но менее контрастную тенденцию.

Кроме этого проведенный анализ выявил устойчивую тенденцию к актуализации пространственно-геометрических параметров в ассоциативно-вербальной сети исследуемых носителей языка и культуры. Эта черта позволяет говорить о специфике пространственного восприятия окружающего мира, сформированного в условиях горно-таежной и тундровой местности. В ассоциациях, связанных с рекой, пространственное восприятие носит динамический характер. Река осмысливается не как статичный объект, а как направленный поток, что отражается в реакциях, описывающих ее движение и форму: *сүүрүк* 'течение', *устар* 'течет', *долгуннаах* 'волнистая', *киэ* 'широкая'. Важно отметить реакции *төрдө* 'устье', *үрдүгэр* 'на поверхности', которые указывают на четкое понимание структурных частей реки. Это свидетельствует о детальном, практически-ориентированном знании речного пространства, и его практическом применении в локальном узусе. Восприятие озера, напротив, отличается статичностью и структурной расчлененностью. Респонденты четко фиксируют его замкнутость и геометрию: *төгүрүк* 'круглое', *кыра* 'маленькое', *улакан* 'большое'. Ключевыми являются реакции, обозначающие внутреннюю организацию пространства: *орто то* 'середина', *үрдэ* 'поверхность' и *кырыыта* 'край'. Это указывает на восприятие озера как четко ограниченного, измеримого объекта, что контрастирует с бесконечным потоком реки.

Высокая частотность пространственно-геометрических ассоциаций (вертикаль/горизонталь, центр/периферия, размер, форма, движение) является маркером особого типа «пространственного мышления», характерного для жителей Абыйского района. Необходимость постоянной навигации в сложном рельефе, ориентации по природным объектам и практического освоения ландшафта формирует языковое сознание, в котором пространственные отношения выдвигаются на первый план. В отличие от жителей равнинных урбанизированных территорий, для которых пространство может быть более абстрактным, здесь оно является конкретным, детализированным и жизненно важным измерением повседневного опыта. Таким образом, язык фиксирует не просто знание природы, но глубоко усвоенную «топографическую грамотность», обеспечивающую эффективную адаптацию к условиям Арктики.

Библиография

1. Баландина Е.С. Актуальность изучения динамики образов языкового сознания // Евразийский Союз Ученых. 2016. № 5-3(26). С. 67-68. EDN: UULDPW.
2. Абишева К. М., Досанова А. Ж., Тлегенова К. А. Проблема ментального лексикона языковых картин мира // МНКО. 2012. № 6. С. 131-133. EDN: PLUURL.
3. Данилова Н. К. Водные экосистемы: пространственные представления и духовный универсум (по этнографическим материалам народа саха) // Теория и практика

общественного развития. 2015. № 16. С. 160-163. EDN: UIQGKJ.

4. Данилова Н. К. Формирование историко-культурного ландшафта якутов: этнолокальные модели и пространственные представления / Н. К. Данилова // Научный диалог. 2019. № 8. С. 243-257. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-243-257. EDN: JIGBKB.

5. Ефимова Л. С., Миронова М. Т. Поклонение духу-хозяину воды в шаманском фольклоре якутов // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2024. № 2 (42). С. 59-67. DOI: 10.52782/KRIL.2024.2.42.009. EDN: LFVZLE.

6. Варавина Г. Н. Символика реки и водная этика коренных народов Якутии (на примере эвенов) // Общество: философия, история, культура. 2019. № 8 (64).

7. Мартинович Г. А. Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента // Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 93-99.

8. Артыкбаева Ф. И. Отражение специфики языкового сознания этноса в материалах свободного ассоциативного эксперимента: межкультурные аспекты // Полилингвильность и транскультурные практики. 2016. № 2. С. 27-37. EDN: WAWNMF.

9. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 191-207. EDN: SIJQLH.

10. Касаткина Т. Ю. Ассоциативное поле как модель анализа значения слова // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. № 4. С. 589-603. DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-589-603. EDN: PLOKRM.

11. Бубнова И. А., Зыкова И. В., Красных В. В., Уфимцева Н. В. (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / под ред. В. В. Красных. М.: Гнозис, 2017. 392 с. EDN: YJUSQF.

12. Заморщикова Л. С., Романенко А. А. Ассоциативный словарь якутского языка. 2012. URL: <http://adictsakha.nsu.ru/dict> (дата обращения: 10.09.2025).

13. Мартинович Г. А. Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле // Вопросы психологии. 1990. № 2. С. 143-146.

14. Овчинникова И. Г. Структура ментального лексикона: возрастная динамика ассоциативных связей // Психоллингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2006. № 4. С. 85-92. EDN: PVCLUZ.

15. Данилова Н. К. Сакральный ландшафт: ментальный образ Горы у северных якутов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 3(28). С. 55-61. EDN: IRWILB.

16. Теребихин Н. М. Образы и символы реки в священной географии Северной Фенноскандии (Лапландии) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 4. С. 51-55. EDN: MWPCLN.

17. Лавренова О. А., Филиппова В. В. Топонимика в культурном ландшафте Якутии: проблема текстуализации // Известия РАН. Серия географическая. 2019. № 2. С. 129-136. DOI: 10.31857/S2587-556620192129-136. EDN: ZENTFZ.

18. Содномпилова М. М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 366 с. EDN: UMUYCL.

19. Хохолова И. С., Пестерева К. А., Иконникова А. Н. Образы реки и ледохода в языковой картине мира жителей Центральной Якутии // Общество: философия, история, культура. 2018. № 7(51). С. 37-42. DOI: 10.24158/fik.2018.7.7. EDN: UUAWLP.

20. Коркина Е. И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. Новосибирск: Наука, 1992. 268 с. EDN: YGZUVX.

21. Воронкин М. С. Диалектная система языка саха: образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. Новосибирск: Наука; Сибирская издательская фирма РАН, 1999. 197 с.

22. Суздадова У. П. Репрезентация и трансформация образа рыбы в якутской культуре //

Человек. Культура. Образование. 2024. № 3. С. 125-146. DOI: 10.34130/2233-1277-2024-3-125. EDN: QJSZRX.

23. Ангуа А. Н., Борисова И. З. Культурологические и социокультурные аспекты гастродипломатии в Якутии и Африке // Арктика XXI век. 2025. № 2. С. 6-31.
<https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-2-6-31>. EDN: TFKKZC.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая научная работа «Этнолокальная специфика языковой репрезентации объектов водного пространства (на примере Абыйского района АЗРФ)» является глубоким, интересным, своевременным исследованием. Она посвящена рассмотрению специфики представления в языковом сознании носителей якутского языка ряда концептов, составляющих основу их существования в непростых природных условиях.

Предметом исследования являются особенности репрезентации образов водного пространства в якутском языке.

Методология исследования основана на использовании антропоцентрического подхода к языку и применении полевого ассоциативного эксперимента, являющегося неотъемлемой частью всех психолингвистических исследований. Эмпирическую основу данной работы, помимо данных ассоциативного эксперимента, формируют также данные, полученные из Ассоциативного словаря якутского языка. Сочетание двух различных источников обеспечивает работе большую достоверность и практическую значимость.

Актуальность проведенного исследования не вызывает сомнений. Во-первых, в настоящее время как никогда остро стоит вопрос сохранения языкового и культурного наследия народов Севера, что требует его тщательного изучения в рамках различных дисциплин. Сохранение языков и культур коренных малочисленных народов РФ представляет собой безусловный приоритет в государственной культурной и этнополитической стратегии. Во-вторых, психолингвистика и когнитивная лингвистика всё больше внимания уделяют динамике языкового сознания в рамках антропоцентрической парадигмы.

Хотя проблематика, связанная с семантикой водных объектов и их местом в традиционной культуре, является одной из ключевых в этнологических и культурологических исследованиях народов Якутии, филологический аспект — особенно на уровне ассоциативного сознания и диалектного узуса — исследован недостаточно. Этот факт обеспечивает новизну рецензируемой работе. Новым является также выбор в качестве приоритетного объекта исследования процесса порождения ассоциаций, который наблюдался авторами работы, как в живом человеческом общении, так и в условиях эксперимента.

Работа написана и структурирована в соответствии с современными требованиями к научным публикациям.

В соответствии со спецификой психолингвистических исследований авторы проводят ассоциативный эксперимент в селе Куберганя (Абыйский район Республики Саха (Якутия)). Состав участников эксперимента достаточно репрезентативен (32 носителя языка, преимущественно якутской (81%) и эвенской (19%) национальности, практически все из которых (99%) указали якутский как язык повседневной коммуникации). Исследование дополняют данные авторитетного лексикографического источника –

материалы Ассоциативного словаря якутского языка, отражающие реакции студентов-носителей якутского языка, опрошенных в период с 2005 по 2010 год в рамках ассоциативного эксперимента на базе СВФУ им. М.К. Аммосова. Внушительный список слов-стимулов (164 слова) соответствует списку, на базе которого был составлен Ассоциативный словарь якутского языка, дополнен 25 лексемами.

В ходе исследования авторы проводят интерпретационный семантический анализ ассоциативных полей с выявлением семантических признаков и возможных культурных кодов. В основу анализа ассоциативных полей якутских слов-стимулов – универсальная классификация вербальных ассоциаций. Всего анализируются три поля: «Өрүс» (Река), «Күөл» (Озеро), «Балык» (Рыба). Анализ каждого ассоциативного поля представлен в виде таблицы, упорядоченной по убыванию частотности. Указаны также следующие количественные показатели: (1) количество респондентов, давших реакцию; (2) количество разных реакций; (3) число отказов; (4) количество единичных реакций. Данный многоступенчатый вдумчивый анализ позволил авторам статьи прийти к следующим выводам. Река воспринимается не как статичный объект, а как воплощение непрерывного процесса, связывающее в единую систему пространство, время и жизненный уклад. Река часто персонифицируется и наделяется статусом прародительницы-кормилицы, что свидетельствует о сакральном и уважительном отношении к водному объекту как к живому существу и хранителю рода. Озеро в языковом сознании предстает как локализованный, статичный водоем, важный с точки зрения конкретных хозяйственных практик (рыболовство), но лишенный динамической и сакральной семантики, присущей реке. Образ рыбы также имеет глубокую символическую значимость в языковом сознании абыйцев. Рыба не только ценный источник пищи, но воспринимается в тесной связи с промысловой деятельностью и способами длительного хранения, что является отражением северного культурного кода выживания.

Главным результатом проведенного исследования является выявление устойчивых связей, образуемых ассоциативно-вербальной сетью, которые взаимосвязанно проходят через призму каждого анализируемого ассоциативного поля и формируют в ментальном лексиконе определенные семантические кластеры.

Ценными являются выводы авторов о специфике пространственного восприятия окружающего мира жителями Абыйского района. В языке людей, чье сознание сформировалось в условиях горно-таежной и тундровой местности высока частотность пространственно-геометрических ассоциаций (вертикаль/горизонталь, центр/периферия, размер, форма, движение). Это позволяет авторам говорить об особом типе «пространственного мышления».

Библиография включает 23 источника, составивших теоретическую и практическую базу исследования. Источники современные, но в качестве пожелания хотелось бы рекомендовать автору обратиться к нормативным источникам, например к стратегии Стратегии развития Арктической зоны РФ до 2035 г. (<https://strategy.arctic2035.ru/>). От этого работа только выиграет.

Данная статья будет интересна специалистам в области лингвистики и психолингвистики, исследователям якутского языка и культуры, этнографам и антропологам Севера, экспертам в области сохранения языкового и культурного наследия Арктики, а также когнитивистам.

